

К.В. Белый

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ И ИКОНИЙСКОГО СУЛТАНАТА В ПРАВЛЕНИЕ МИХАИЛА VIII ПАЛЕОЛОГА (1259–1282 ГГ.)

«Угроза с востока» неизменно была актуальной проблемой для Византийской империи на протяжении всей ее истории. Персы, авары, болгары, арабы, сменяя друг друга, почти непрерывно беспокоили и корректировали восточные границы империи, не раз добираясь до константинопольских стен и ставя державу ромеев на край гибели. Во второй половине XI в. Византии было уготовано новое испытание в лице опаснейшего врага – сельджуков. Поражение византийской армии в битве Манцикертом в 1071 г. открыло сельджукам доступ на просторы Малой Азии, на территории которой вскоре возник Румский (Иконийский) султанат.

С конца XI по середину XIII вв. взаимоотношения двух государств претерпели изменения: от прямой конфронтации и реконквисты эпохи Комнинов до неофициального антилатинского альянса султаната и Никейской империи при Ласкарисах. Столь же сильно изменилось и их международное положение. Ко второй пол. XIII в., т.е. к началу Палеологовской эпохи, обе державы, и особенно, султанат, играли второстепенную роль на политической арене Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Вероятно, поэтому в отечественной и зарубежной историографии уделяется много внимания взаимоотношениям Византии с политическими тяжеловесами региона: Золотой Ордой, государством Хулагуидов, Мамлюкским Египтом и, напротив, очень мало - византийско-иконийским отношениям указанного времени, в частности, периода правления Михаила VIII. Ни в одном исследовании данная проблема специально не рассматривалась, хотя некоторым ее аспектам уделено внимание в трудах историков В. Гордлевского [2] и С. Закирова [3].

Во второй пол. XIII в. Золотая Орда, Иран и Египет определяли ход дел к востоку от Византии, но ни с одним из этих государств империя непосредственно не граничила. Единственным восточным соседом ее был Иконийский султанат. Этот факт придает взаимоотношениям Константинополя и Икония особую значимость, т.к. обеспечение безопасности малоазийских владений Византии и устойчивой границы с сельджуками было одной из главных задач восточной политики Михаила VIII. Сколь успешно и какими методами первый Палеолог решал данную задачу? И чем можно объяснить скоротечную потерю византийцами северо-западной части Малой Азии уже к концу XIII в., вскоре после смерти Михаила VIII? Для ответа на эти и многие другие вопросы необходимо рассмотреть систему византийско-иконийских отношений с 1259 по 1282 гг.

«В первый день января» 1259 г. [1, с. 58], согласно Георгию Пахимеру, Михаил Палеолог взшел на никейский престол. В течение следующих 24 лет его правления, особенно после освобождения Константинополя в 1261 г., важность западного направления внешней политики империи беспрецедентно возросла, придав восточному второстепенное значение. Тем не менее, первая дипломатическая миссия нового василевса отправилась не на Запад, не к трапезундскому или эмирскому владыкам, а к *«персидскому (иконийскому) султану»* Изз-ад-дину Кей-Кавусу II, с которым Палеолог был знаком лично. Их первая встреча состоялась в 1256 г., когда великий коноставл Михаил (будущий император) бежал к туркам, спасаясь от возможных гонений со стороны Феодора II, и получил у Изз-ад-дина надежное политическое убежище. Теперь же, став «державным», Палеолог незамедлительно сообщил султану о своем воцарении и о *«ходе дел в империи»* [1, с. 91]. Описывая их, скорее всего, в

не худших красках, Михаил VIII, под видом дружеской исповеди, ловко прибегает к политической пропаганде. Это был, несомненно, продуманный ход. С его помощью Палеолог, пришедший к власти в результате государственного переворота, убеждал своего ближайшего соседа в стабильности международного и, главное, внутреннего положения империи. Таким образом, используя близкое знакомство с султаном, новый император сделал первую попытку выстроить дружественные отношения между государствами, что было ему крайне необходимо. Успех грядущих предприятий на Балканах, как понимал Михаил VIII, в том числе и возвращение Нового Рима, во многом зависел от продолжительного мира на восточной границе.

Надежду императора мог подкреплять тот факт, что серьезных конфликтов между Иконием и Никеей не происходило на протяжении многих лет. Во-первых, благодаря заметному усилению Никейской империи при Иоанне III (1221–1254), а во-вторых, как полагает З.В. Удальцова, из-за заинтересованности самих Сельджукидов в прочности барьера, отделявшего их от крестоносцев Латинской Романии [5, с. 347].

Однако в том же 1259 г. планы Палеолога стремительно рушатся вместе с властью Изз-ад-дина. Дело в том, что еще в 1243 г., после битвы при Кёси-Даге, Иконийский султанат попадает в вассальную зависимость от Монгольской империи. С этого времени карательные и разоряющие страну экспедиции против антимонгольских сил сельджуков принимают регулярный характер. Безвольные и неспособные дать отпор захватчикам в глазах населения и эмиров султаны стремительно теряли авторитет; сила центральной власти неуклонно падала [2, с. 35-43]. Но если, воцарившись, в 1246 г., Изз-ад-дин еще обладал реальной властью, то к 1259 г. она превратилась в номинальную. Монгольские ильханы шаг за шагом ее ограничивали. К тому же в 1249 г. султанат был поделен между Изз-ад-дином и его братом Рукн-ад-дином Килич-Арсланом IV, и отношения между ними оставляли желать лучшего [11, р. 158]. Когда в 1259 г. ильхан Хулагу заподозрил Изз-ад-дина в пособничестве мамлюкам, Арслан IV (по повелению ильхана) незамедлительно сверг брата и соправителя [11, р. 158].

Спасая свою жизнь, Изз-ад-дин вместе с семьей и приближенными нашел единственно верным искать защиты у своего давнего «должника» Михаила Палеолога [2, с. 180]. Никифор Григора сообщает, что явившись к императору, свергнутый султан потребовал «...или сражения со скифами (монголами), или какого-нибудь участка на римской земле в его собственность» [7, с. 77]. Естественно, оказывать военную помощь султану, вмешиваясь в иконийские дела, Никее было бессмысленно и опасно. Не удовлетворил Палеолог и второе требование Изз-ад-дина, хотя, приняв его с почетом, прямо не отказал, и отныне «...как на весах колебал душу султана, не подавая ему надежды, но и не отнимая ее» [7, с. 78].

Безусловно, Михаил VIII понимал, что предоставление временного убежища важной политической фигуре – опасный дипломатический шаг. В то же время, права Изз-ад-дина на иконийский престол оставались в силе, следовательно, император вполне мог надеяться на скорую победу поддерживаемого кандидата и на связанные с ней выгоды. С другой стороны, в руках Палеолога оказался человек, который в любой момент мог стать козырем в международных переговорах с восточными соседями империи. А в сложившейся к 1260 г. крайне сложной и неопределенной политической обстановке на Ближнем Востоке это преимущество, в случае конфликта с какой-либо заинтересованной стороной, могло пригодиться. Особенно если интерес к изгнаннику проявили бы три упоминавшихся ранее региональные державы. С того времени, как султан оказался под «покровительством» Палеолога, начала формироваться новая система взаимоотношений Никее (затем Константинополя) с Иконийским султанатом и указанными выше государствами, в сферу интересов которых Малая Азия также входила.

В этой связи необходимо кратко описать международную ситуацию, сложившуюся вокруг султаната к началу 1260-х гг. В 1256 г. внук Чингисхана Хулагу начинает знаменитый

Ближневосточный поход монголов, «...со своим огромным войском, словно вешний разлив» [9, с. 54], захватывая и опустошая Западный Кавказ, Иран, Месопотамию и Западную часть Малой Азии. В 1258 г. монголы разрушают Багдад, а в начале 1260 г. доходят до Палестины [10, с. 232]. Казалось, мусульманскому владычеству на Востоке пришел конец. В 1258 г. многие ближневосточные властители выражают покорность (признают вассальную зависимость) правителю образовавшегося на территории Ирана и Южного Кавказа государства ильханов Хулагу (1261–1265). Были среди них и сельджукские султаны Изз ад-Дин Кей-Кавус II и Килич-Арслан IV.

Однако 3 сентября 1260 г. армия египетских Мамлюков, незадолго до этого свергшая династию Айюбидов, в битве при Айн-Джалуте наносит поражение монгольской армии Кит-Буги и останавливает дальнейшее продвижение завоевателей, а вскоре каирский престол занимает герой битвы и спаситель мусульманского мира военачальник Бейбарс (1260–1277) [13, с. 19-22].

С этого времени между государством Хулагуидов и Мамлюкским султанатом разгорается затяжная война: формально – за обладание Сирией и Палестиной, а по сути – за лидерство во всем регионе. И Хулагу, и Бейбарс I, будучи опытными политиками, искали выгодных союзников за спиной у врага. Вскоре, к 1261-1262 гг., образуется альянс Египта и соперничающей с ильханами за обладание Кавказом джучидской Золотой Орды [3]. Хулагу, в свою очередь, устанавливает контакты с папским Римом и крестоносцами Святой Земли. Константинополь, оказавшись между двух намного превосходящих ее сил, начинает искусно балансировать [13, р. 24], поддерживая мирные и как можно более дружественные отношения и с Хулагу, и с Бейбарсом.

Но положение Иконийского султаната было намного сложнее. Во-первых, территориально он располагался в зоне боевых действий двух держав. Во-вторых, Арслан IV находился в вассальной зависимости от Хулагу и был вынужден, по крайней мере, номинально состоять в антимамлюкской коалиции. Поэтому, нетрудно предположить, что для победы над монголами в Сирии и Киликии Бейбарсу I требовалось подчинить Иконий с помощью воцарения там своего ставленника, а Хулагу, наоборот, любыми силами удержать под контролем буферное государство. По этой причине интересы обоих правителей сошлись на личности бежавшего к Палеологу султана Изз-ад-дина.

Осенью 1261 г., по инициативе Хулагу, Михаил VIII подписывает секретное соглашение с ним, согласно которому император обязывался содержать неугодного ильхану симпатизировавшего мамлюкам Изз-ад-дина под домашним арестом и не выпускать его из страны в обмен на гарантии безопасности Византии со стороны сельджукской границы [11, р. 92].

Примерно в это же время к находящемуся в «контролируемой эмиграции» султану начали прибывать посланники из Египта. В итоге, после серии неофициальных переговоров, весной 1262 г. Изз-ад-дин посылает письмо Бейбарсу I, предлагая ему половину султаната в обмен на помощь при достижении власти в Иконии [11, р. 158-159]. Более того, вызволить брата в письмах к Бейбарсу и золотоордынскому хану Берке просил даже сам Килич-Арслан IV [3, с. 54]. И хан, и мамлюкский султан понимали, что Изз-ад-дин превращен в политического заключенного, причем, по большому тцанию их общего врага Хулагу.

Действительно, Михаил VIII проявлял особое внимание к султану, все более ограничивая свободу его действий. Семья Изз-ад-дина под конвоем была отправлена в Никею, якобы для большей безопасности, а его самого император поселил в далеком от малоазийской Вифинии фракийском городе Эна, окружив многочисленной стражей, «...чтобы обезопасить самого султана, чтобы, то есть, удержать его от бегства», - прямо пишет Пахимер [1, с. 121–122].

Но в 1264 г. византийское пленение султана неожиданно заканчивается. Происходит это во время разразившегося конфликта между Византией и Золотой Ордой по причине

длительной задержки Михаилом VIII в Константинополе египетского посла ал-Масуди, направлявшегося к Берке с важным посланием [3, с. 52-53]. Чтобы проучить императора и освободить посольство, хан послал темника Ногая во главе тридцатитысячного войска в византийскую Фракию и Македонию. И, несмотря на то, что при посредничестве самого ал-Масуди и Бейбарса I, не желавшего портить отношения с Византией, инцидент удалось быстро уладить, второе задание, полученное от Берке, Ногаю выполнить удалось. Во время похода на Константинополь один монгольский отряд заставил горожан Эны выдать находившегося там Изз-ад-дина [3, с. 53–54]. Освобожденный султан был доставлен к Берке, которого хан принял с большим почетом. Спасавшемуся от «скверного нрава» подданных султану, Берке, как передает Ибн Биби, пожаловал «...в икта Солхад и Сутак», а затем и весь Сарай (Крым), не разрешив лишь пока возвращаться в Иконий [3, с. 54].

В самой же столице Румского султаната назревала очередная смена власти. Вступивший на престол после смерти Хулагу в 1265 г. ильхан Абака продолжил политику отца по отношению к Иконии, планомерно ослабляя центральную власть и пресекая любые проявления нелояльности к Хулагуидам. Вскоре подозрения ильхана пали на Арслана IV. Под предлогом невыплаты дани и сношений с Бейбарсом I брат Изз-ад-дина был казнен [15, р. 361]. В конце 1265 г. опустевший престол занял сын Арслана IV Гияс-ад-дин Кей-Хюсрев III, которому исполнилось 2,5 года [2, с. 186]. С этого времени султан становится игрушкой в руках сюзерена, а реальную власть в стране получает наместник ильхана – визирь.

В таких условиях взаимоотношения с Иконией потеряли для Михаила VIII особую значимость, и отныне для эффективного решения проблем на восточной границе императору следовало обращаться «выше». Еще в 1265 г. Михаил заключает династический союз с государством Хулагуидов, выдав свою внебрачную дочь Марию Деспину Палеологину замуж за ильхана Абаку. Мария оказалась политически деятельной супругой и имела определенное влияние на Абаку, заставляя его вмешиваться в румские дела, и не раз помогала императору.

На протяжении второй половины 1260-х и 1270-х годов ильхан неоднократно организовывал карательные экспедиции в султанат. По свидетельству Фазлаллаха, в 1266-67 годах брат Абаки Бундуктар совершил румский поход, разорив многие сельджукские области. В 1276 г. в Анатолию вторгся монгольский отряд во главе с самим Абакой [8, с. 89]. А в следующем году попытку отбить Иконийский султанат у Хулагуидов предпринял Бейбарс I, захвативший Иконий [2, с. 38–41]. Несмотря на то, что удержать его «аль-Мезик аз захир»¹ не сумел, многие земли султаната оказались в очередной раз разорены.

Все это в совокупности однозначно сказалось на внутреннем положении Иконийского государства. Потеря султанами власти, экономическое разорение страны, постоянные набеги монголов привели к окончательной победе центробежных сил и фактическому распаду султаната на мелкие враждующие между собой бейлики и эмираты, практически независимые от центра [2, с. 40-41]. Еще в 1262 г. началось всколыхнувшее Анатолию восстание в Эрменаке, а в 1275 г. подняли голову пограничные джимри, захватившие вскоре даже Иконий. Некоторые эмиры открыто отказывались признавать власть Кей-Хусрева III, а некоторые, как Караман, объявляли себя румскими султанами [2, с. 37].

Таким образом, к концу 1270-х гг. в Иконийском султанате окончательно устанавливается феодальная раздробленность [6, с. 316], хотя номинально единое Румское государство просуществует до начала XIV века. Падение султанской власти полностью отвечало интересам Хулагуидов, позволив им, как и Джучидам на Руси, держать под контролем политически раздробленное пространство сельджукской Малой Азии, за исключением западных бейликов. Ослабление ближайшего восточного соседа и получение вследствие союза с Абакой помощи в разрешении проблем с сельджуками отвечало также и

¹ «Побеждающий царь», – так именовал себя Бейбарс I.

интересам Константинополя. Но, как ни странно, политический хаос в султанате таил даже более серьезную угрозу Византии, чем его стабильность. Этого не учел Михаил VIII.

После реформы и последовавшего за ней восстания воинов-акритов 1262 г., как отмечают византийские историки, охрана восточной границы империи стала ежегодно ухудшаться. Параллельно с бедствием, разорением и уменьшением количества акритов, по ту сторону границы возникало все больше независимых от Икония враждующих между собой бейликов, которые, из-за географического положения, были неподконтрольны даже Абаке. Поэтому, воспрепятствовать набегам западно-анатолийских беев на богатые византийские провинции, к тому же все слабее охранявшиеся, стало невозможно. Ситуация усугублялась еще и тем, что большая часть византийской армии, в том числе и малоазийских фемных ополчений, с 1259 г. была вынуждена практически ежегодно участвовать в военных действиях в Македонии, Греции, Эпире и Болгарии. По этой причине значительно ослабла вторая линия обороны, открыв турецким отрядам доступ к долине Меандра и даже некоторым прибрежным городам. И сельджуки не упустили свой шанс [14, р. 46-47].

Георгий Пахимер упоминает, что спустя много лет, в 1280 г. император, получив очередное известие о турецком набеге, «... собрал наскоро войска, какие только были у него в то время под рукою», и немедленно отправился к бывшей ранее далекой от границы р. Сангара [1, с. 463]. Сплошную «скифскую пустыню» узрел Палеолог на месте цветущих во время его молодости мест, из-за чего, как пишет автор, «... едва не выдрал у себя всех волос - ему чрезвычайно было жаль той страны» [1, с. 463-464]. Быть может, в этих словах имеется литературное преувеличение, однако, о разорении и социально-экономическом упадке малоазийских провинций свидетельствуют и другие источники. Даже живший в XIV в. Григора с глубокой скорбью описывает византийскую Анатолию того времени [7, с. 132-137].

Пытаясь остановить вторжения турок, Михаил VIII не раз совершал карательные экспедиции, восстанавливал пограничную систему креплений, возводил засечные рубежи, однако, видимых успехов данные предприятия не принесли. В основном, по трем причинам. Во-первых, к 1280 г. почти исчез акритский оборонительный рубеж, во-вторых, свободных регулярных военных подразделений явно не хватало для обороны границы, а в-третьих, с 1270-х гг. разразился глубокий социально-экономический кризис, сказавшийся и на военном потенциале империи [12, р. 233-234]. И если в правление энергичного и деятельного Михаила VIII сельджуки лишь совершали грабительские набеги, не чувствуя себя абсолютно безнаказанными, то при его сыне Андронике II, занимавшемся философией более, чем политикой, вторжения турок постепенно сменились завоеваниями.

Таким образом, мы кратко рассмотрели основные этапы взаимоотношений Византии и Иконийского султаната в эпоху правления Михаила VIII в контексте международных отношений в Причерноморье и Восточном Средиземноморье второй половины XIII века. За этот период Константинополь прошел путь от проекта союза с Иконием (1259–1264) и гарантированно мирных отношений с султанатом с помощью династического брака (1265 – конец 1260-х) до агрессии со стороны неподконтрольных султанам и ильханам турецких бейликов (с 1270-х). Несмотря на то, что восточная политика Михаила VIII была успешной, политическое ослабление Иконийского султаната, в совокупности с ошибками внутренней политики первого Палеолога, предопределили начало завоевания жизненно важной для империи малоазийской территории турками-османами в конце XIII – начале XIV вв.

Список использованной литературы

1. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах /под ред. С.П. Карпова. СПб., 1862.
2. Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии, М., 1941.
3. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XV). М., 1966.
4. Ибн Биби. Сельджук-Намэ. – [Электронное издание]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/frame1text1.htm>. – (проверено: 13.08.11).
5. Культура Византии XIII – перв. пол. XV веков. / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991.
6. Мюллер А. История Ислама. От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. М., 2004.
7. Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. СПб., 1862. Том I.
8. Рашид ад-дин Фазлаллах. Сборник летописей. – [Электронное издание]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/framepred.html. – (проверено: 13.08.11).
9. Смбат Спарпет. Летопись. – [Электронное издание]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet/frame1text1.htm. – (проверено: 13.08.11).
10. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
11. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid war, 1260-1281. Cambridge., 1995.
12. Browning R. The Byzantine Empire. Washington, 1992.
13. Holt P.M. Early Mamluk Diplomacy (1260-1290). Brill., 1995.
14. Nicol M. D. The Last Centuries of Byzantium, 1261-1453. Cambridge., 1993.
15. The Cambridge History of Iran. Cambridge., 1968. P. 5. – The Saljuq and Mongol periods.

Summary

This article is devoted to the problem of relationship of the Byzantine Empire and the Sultanate of Iconium in the reign of Michael VIII (1259-1282). The author concludes that this problem is not rightfully disregarded in the historiography, since the policy in relation to Iconium, conducted by Michael VIII, had a great influence on the fate of the Byzantine Asia Minor.